

Александр Эдуардович Шпаков, *руководитель научно-методического и миссионерского центра Екатеринодарской и Кубанской епархии Русской православной церкви, доцент Кубанского государственного университета, кандидат биологических наук*

ДУХОВНАЯ ГИГИЕНА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Однажды, года два назад, некий мой знакомый в сердечном сокрушении рассказал, что первыми словами его внука стали матерные ругательства. Дожили!

К великому сожалению, современное русское самосознание всё более теряет способность различать добро и зло и, как следствие, мы со всё большей снисходительностью относимся к поглощающим нас порокам. Сквернословие вызывает у кого горькую усмешку, а у кого и радостный смех одобрения: вот, дескать, не мы одни такие — все же так выражаются! Печально, но чем снисходительней мы относимся к человеческим порокам, тем ожесточённее и злее становимся в отношении самих людей и, прежде всего, к своим близким. Таким образом, мы извращаем нашу православную традицию, предполагающую прямо противоположное положение дел: предельную нетерпимость к греху и любовь к грешнику.

Речь и формирует, и отражает наше духовное состояние. Сквернословие — это предельное отражение внутренней нечистоты человека. К чему мы направляем своё сознание, то и приближаем к себе. Если человек без матюков не в состоянии и гвоздя забить у себя в доме, то такой дом у него и будет; если без матюков он не может поговорить с женой и детьми, то по слову его будут и жена, и дети. В результате складывается то общественно-политическое и экономическое устройство общества, которое настойчиво провоцирует необоримое желание, как говорится, «послать всё это куда подальше». В какую дверь стучимся, ту нам и откроют. Если мы, например, из Краснодара едем в Москву, то не следует удивляться, что мы не попали в Константинополь. Стучимся в преисподнюю — именно в неё и попадём.

Настоящая работа предпринята с целью обосновать необходимость экстренных

и эффективных мер духовной гигиены на всём пространстве современной России; обозначить основные причины духовно-нравственного растрепания нации и механизмы его распространения; напомнить давно и хорошо известные пути преодоления всей этой беды.

На стадионе у соседнего баскетбольного кольца играют несколько молодых людей. Сплошное сквернословие. Они в хорошем настроении, вполне расположены друг ко другу. Они не ругаются. Они так разговаривают, стараясь матерной бранью подчеркнуть силу охватывающих их радостных чувств и бесконечного жизнелюбия. Вопрос о том, могут ли они выразить глубину своих мыслей и силу радости без матюков, смутил ребят. Они искренне извинились, некоторые даже покраснели. Наступило молчание. Слышен только стук мяча. Однако «команда» не смогла выдержать долгой паузы. Начали переговариваться... и снова сквернословие! Они вновь на мгновение замолчали. Недоумённо посмотрели друг на друга, на нас, сделавших замечание; в досаде от бессилия кто-то махнул рукой и «команда» покинула стадион. Это были студенты старших курсов и среди них один школьный учитель музыки.

Куриль на территории краснодарских вузов запрещено, поэтому студенты курят сразу же за их оградами, предаваясь свободному словоизвержению, покачиваясь на мутных волнах своих чувственных импульсов. Сквернословие сливается в потоке душевной исковерканности и шумит, пропитывая, столь ревностно реформируемое, высшее образование, вместе с ЕГЭ выходя на международный рынок образовательных услуг по пути болонской системы обучения. Особенная острота ощущения бес-

предельной пошлости происходит от того, что сквернословят студентки. К несчастью, они не уступают в этом порочном усердии студентам и ни сколько ни смущаются преподавателей. Некоторые из них матерятся с каким-то особенным фанатизмом, обнажив пупки, хлопая юными глазами с искусственно распушёнными ресницами и размахивая перед лицами собеседниц и собеседников сильно ароматизированными сигаретами. Это и есть грядущий рынок интеллектуальных услуг.

Несколько лет назад, декабрьским воскресеньем в Москве, мы пошли прогуляться в Кремль. Прогулка не удалась — Кремль был закрыт для посещения. К счастью, всё же удалось пройти в Оружейную палату. Шлем великого князя Ярослава — отца Александра Невского, Скипетр и Держава русской монархии, кресло слоновой кости Иоанна Грозного, одежда и оружие наших славных императоров. Созерцание всех этих видимых свидетелей русского величия пробуждает счастливейшее чувство сопричастности к нашему Отечеству.

На выходе из Оружейной палаты мы столкнулись с группой высокорослых юношей, по-видимому, с экскурсией московских старшеклассников. К их чести нужно заметить, что на коротком участке пути от выхода из музея до выхода за стены Кремля они вели себя спокойно, прилично и по большей части молчали. Но как только они вышли за ворота, на глазах кремлёвской охраны, сразу же закурили и начали громко сквернословить. Мы находились так близко от них, что даже сделать ничего не замечающий вид было невозможно. На голове у меня была надета старая кубанка чёрного потрёпанного каракуля с красным верхом, что уж совершенно не поз-

воляло равнодушно реагировать на всё это безобразие. Неожиданно для себя матерщинники получили оплеухи и подзатыльники. У некоторых изо рта вылетели сигареты. По мере сил, коротко, мы объяснили юношам всю душевредность сквернословия и великую пользу занятий русским рукопашным боем. Кремлёвская охрана смотрела куда-то вдаль, таинственно улыбаясь, выражая свои положительные эмоции в рамках приличия и установленных должностных инструкций.

Сколько бы раз и каким бы способом я ни пресекал сквернословие, никто на меня не обиделся. Более того, встречаясь снова, молодые люди первыми со мною здороваются и радостно, с юмором напоминают обстоятельства нашего знакомства. Дай Бог им всего самого хорошего, ведь они на самом деле замечательные, добрые и талантливые ребята.

Дети растут и стараются познавать разнообразные стороны вмещающего их мира. То, какие именно стороны действительности они сочтут главными и наиболее интересными, зависит от нас — от взрослых. Между прочим, очень интересно им знать, существуют ли пределы для их детских шалостей и дальнейших взрослых безобразий. Они активно исследуют эту проблему, испытывают реакцию взрослого окружения. По большей части им самим уже надоело сквернословить, напиваться, курить, бездельничать уже неважно, а предела бесчинствам никто и не полагает. Так и тянется вся эта тщета, попеременно то вспыхивая бестолковой суетой, то замирая беспроблемной скукой.

Грех в рекламе не нуждается. Только обрати внимание, допусти в мысли — и дело сделано: «пускаемся во все тяжкие» с огоньком

и энтузиазмом. Описание грехов и пороков дело чрезвычайно вредное, если нет твёрдой воли к их преодолению. Как-то, давным-давно, в 1982 году мы, выпускники различных факультетов Кубанского госуниверситета, прибыли на заключительные трёхмесячные военные сборы для принятия присяги и получения офицерского звания. Переодевшись в военную форму и оказавшись в сугубо мужской компании, некоторые из нас начали усердно сквернословить — другие относились к этому со снисходительной улыбкой, иные и сами втягивались в словесные пороки. В нашем взводе служили в основном биологи. Все мы были друзьями. За нашими плечами был опыт совместных походов и полевых экспедиций. Стало ясно, что, предавшись пороку сквернословия, мы испоганим себе эти три месяца жизни. Договорились не материться. Стараясь придерживаться нашего уговора, сборы провели и с удовольствием, и с пользой. Человек — удивительное творение. Мы можем, живя в райских условиях, превратить свою жизнь в ад. Но можем и в самых суровых обстоятельствах устроить свою жизнь иконой рая.

Все мы являемся и свидетелями, и участниками нравственной деградации в России. К несчастью, эта аксиома не нуждается в многочисленных обоснованиях. Причины трагедии давно и хорошо известны, о них писал, например, ещё Л.Н. Гумилёв [1]. Процесс можно остановить, но для этого непременно нужно хотя бы начать называть вещи своими именами. Это трудно. Значительно комфортней наше собственное оскотинивание называть прогрессом; собственное падение называть полётом; себя объявить звездой и тупо врать о том, что, мол, «есть только миг между про-

шлым и будущем и именно он называется жизнью». «Человек — звучит гордо», следовательно, *всякому человеку* надо дать возможность жить, человека нельзя оставить, человеку нужно помочь, надо его накормить, надо его напоить, ну а если он не умеет работать, что же надо научить, а если не хочет учиться, ну что же, значит плохо учили. Вообще самое главное — человек, всё для человека. Ничто человеческое нам не чуждо, а значит, всякий наш порок, всякий наш грех имеет полное право на существование. Не правда ли, как приятно и удобно считать свои недостатки достоинствами? Да здравствуют права человека и общечеловеческие ценности! Так совершается в наших головах смешение грешного с праведным. Мы начинаем думать, что высшим проявлением доброго отношения к людям является терпимость (толерантность) к нашим порокам, а это — ложь. Путаница в голове быстро приводит к катастрофе. В искусстве происходит падение стиля, в науке оригинальные работы вытесняются компиляциями, в общественной жизни процветает коррупция. Всё продажно, никому нельзя верить, ни на кого нельзя положиться. Кругом предательство, трусость и обман. Ценят не способности, а их отсутствие, не образованность, а невежество, не честность, а беспринципность. Трудолюбие подвергается осмеянию. Вот и весь гуманизм. Гибельно мнить творение на месте Творца.

Особенности речи, эстетические вкусы и привязанности, нравы распространяются посредством сигнальной системы наследственности. Сигнальную систему наследственности, в целом, можно определить, как историческую память популяции. Приведём в качестве иллюстрации следующий опыт. Если только

что вылупившиеся утята несколько дней находились вместе с матерью, то на все сигналы они отвечают положительной реакцией. Если к утке подсадят утят того же возраста и той же окраски, но выведенных в инкубаторе, то эти утята не только не реагируют на сигналы утки, но даже разбегаются. Между матерью и потомством в этом случае нет преемственности — сигнальной связи. Птенцы многих певчих птиц, вскормленных в гнёздах других видов, подражают голосу и рефлексам приёмных родителей. То же самое имеет место и у млекопитающих. Эта система называется *сигнальной*, поскольку поведенческие реакции передаются посредством условных раздражителей, являющихся сигналами к действию [2]. Применительно к человеку сигнальную систему можно определить как историческую память нации. В отличие от птиц и млекопитающих у человека не одна, а две сигнальные системы. Первая связана более с «образным» типом памяти, вторая — со «словесно-логическим» типом [3]. Наша сигнальная система начинает работать уже в период внутриутробного развития. Ребёнок, находящийся в утробе матери, не отделён от внешнего мира никакой шумоизоляцией. Он прекрасно слышит слова, звуки, ощущает окружающую эмоциональную, эстетическую и, в конце концов, нравственную среду жизни. Совершенно не напрасно к беременным женщинам во все времена было особое отношение. Их старались окружать заботой, спокойствием и лаской. Православные женщины в этот период жизни становились ревностней к молитве, чаще бывали в храме, чаще причащались. Духовное состояние матери и вмещающего её мира определяют духовную реальность потомства.

Первая сигнальная система продолжает работать у новорождённого ребёнка. Он воспринимает окружающие его уже видимые образы, копирует поведение родителей: их мимику, жесты, интонации речи, то есть всё то, что отражает состояние нашей внутренней духовной жизни или её отсутствие. Постепенно дети понимают речь, а там уже и сами начинают говорить. Включается вторая сигнальная система, развивается словесно-логический тип памяти. Появляется возможность воздействовать на человека словом. Чрезвычайно важно, чтобы смысловое, эмоциональное, эстетическое и нравственное содержание первой и второй сигнальных систем соответствовали и дополняли друг друга. Если отец с сигаретой во рту объясняет сыну, что курить вредно — враньё! Если родители требуют уважения к себе, а сами и дня не могут прожить без ссор и взаимных упреков — ложь! Ещё не замутнённый взрослыми страстями детский взгляд улавливает малейшие нюансы нашей живости или искренности. В семье всё друг у друга на виду. Показать лучше, чем ты есть на самом деле, невозможно. Не надо казаться — следует быть. Если мы хотим воспитывать своих дорогих и любимых людей, нужно нелицемерно вместе с ними прилежно трудиться для достижения желаемых жизненных идеалов. В нашей повседневной жизни мысли должны соответствовать словам, слова соответствовать делам, а добрые дела дадут добрые плоды. Если между мыслью, словом или делом мы ставим знак неравенства, то получается ложь. Враньё — первейший признак скудоумия. К чему лгать, ведь в следующий раз не поверят!

Мера лжи есть мера разорённости личности, мера хаоса, степень энтропии. Чем

больше мы внутренне разорены, тем больше в нас накапливается беспричинной злобы и пустой раздражительности. Внешне это наиболее отчётливо проявляется в сквернословии. Чем примитивней личность и чем ниже уровень её нравственного и эстетического чувства, тем с большей лёгкостью она научается сквернословить. Свои чувства мы можем выражать словами. Если эти слова приходится по сердцу слушающим нас, то в их души через наши слова, с лёгкостью проникают и наши чувства. Очевидно, что матерная брань не только отражает разорённость самого матерщинника, но и разоряет слушающих и не отвергающих её. Таким образом, порок распространяется, словно эпидемия, по каналам сигнальной системы наследственности.

Опасность того, что пространство современной русской жизни всё более пропитывается сквернословием, в том, что мерзость эта начинает восприниматься как нечто само собой разумеющееся и вполне допустимое: допустимое в той же мере, как допустимо и всё нравственное разложение. Свою болезнь мы болезнью не считаем и, понятное дело, лечиться не собираемся.

Пути преодоления зла, также как и его причины, давно и хорошо известны. Главнейший из них: воспитание в себе самом и в своих близких *совести*. «Совесь» мы понимаем в соответствии с Толковым словарём живого великорусского языка В.И. Даля [4], как нравственное сознание, нравственное чутьё, внутреннее сознание добра и зла; чувство, побуждающее к истине и добру, отвращающее от лжи и зла. Таким образом, всякая безнравственность и ложь есть грубейшее нарушение свободы совести. *Свобода совести без совес-*

ти невозможна. Воспитание совести неотделимо от эстетического образования. Эстетическому развитию нации в России препятствуют зримые проявления пошлости и безнравственности на улицах, в средствах массовой информации, в рекламе, в искусстве. Впечатлительные натуры или не представляющие своей собственной эстетической личности, склонны легко подчиняться чужому влиянию, особенно если им в этом помогает мода, как преобладающее направление вкусов данного времени [5].

В России есть регионы, где весьма эффективно пресечены внешние проявления безнравственности. Августом прошлого 2008 года наши сотрудники побывали в Грозном. Там и в помине нет ни игровых автоматов, ни стриптиз-клубов; в газетных киосках невозможно увидеть безнравственную печатную продукцию — всё то, что так навязчиво мозолит глаза во многих областях России, в том числе и на нашей родной Кубани. К чести наших чеченских соотечественников, живущих, как и все мы, в едином правовом пространстве России, следует добавить не только примеры внешнего благочестия, но и глубокой внутренней культуры. В Чечне полностью отсутствует беспризорность, а рождаемость самая высокая в России. Это и есть вопрос нравственности, любви к Отечеству, самоуважения и элементарной вменяемости как руководства, так и всех граждан нашего Отечества.

Порок сквернословия характеризует, в целом, всю нашу духовную, житейскую, национальную и государственную разломанность. Преодоление этого зла — одна из актуальнейших проблем современной России

«...какую мерою мерите, такую и вам будут мерить» (Мф., 7:2).

Национальная духовная гигиена означает, прежде всего, возвращение совести на всех уровнях нашей жизни: личном, семейном, государственном. Все эти уровни организации должны пребывать в единой системе нравственных координат. В православии, например, эти координаты хорошо известны. Не может и не должно быть благом на государственном уровне то, что для личности и семьи является подлостью, предательством или простой бесполовостью. Даже победившая ложь не становится правдой. Ясное различие добра и зла позволит эффективно изолировать зло, то есть создать непреодолимые препятствия для его распространения. Особенное внимание следует уделять всем внешним проявлениям страстей и пороков: сквернословию, игровому бизнесу, различным стриптиз-шоу, рекламе, насквозь пропитанной сексуально-гастрономической чувственностью и проч., и проч. Пороки, к несчастью, известны с давних времён первого грехопадения. С тех пор ничего нового никем не выдумано. Наши грехи должны оставаться делом нашего сугубо личного стыда и раскаяния. Они не должны быть предметом какой бы то ни было популяризации, искусства и уж тем более поддержки на общественном или государственном уровне. «Горе миру от соблазнов, ибо надобно прийти соблазнам; но горе тому человеку, через которого соблазн приходит» (Мф., 18:7).

Главнейшей же задачей духовной гигиены является правильная постановка религиозного, нравственного и эстетического воспитания нации, укоренения нетерпимости к порокам в нашем общественном сознании.

Первенствующее значение религии в формировании национальной культуры с точки зрения физиологии высшей нервной деятельности обосновал великий русский учёный И.П. Павлов: «...основной закон нервной системы тот, что она состоит из двух половин: из проявления деятельности раздражения, или свободы в широком смысле, и из проявления деятельности задерживания, торможения, или дисциплины, узды. Вне этого нет жизни. Жизнь уничтожается. Как только происходит перевес одной половины над другой, вы сейчас же получаете некультурный, не соответствующий действительности тип. Безусловно, это фундаментальный закон и для человека, только для него он ещё более необходим... Мы очень хорошо знаем, что в человеческой жизни практикуется и нарочно, сознательно масса тормозов. Эти тормоза представлены, во-первых, религией, затем законом, властью, контролем, затем воспитанием, обычаями, привычками. Это всё тормоза» [6]. Следует специально отметить, что само свойство раздражения даётся человеку, по крайней мере, уже при рождении, а торможение нужно воспитывать.

Первостепенное значение религии, как фактора торможения определено ещё и тем, что только религия способна сформировать совесть, как внутренний фактор осмысленного и свободного самоторможения — фактор, действующий вне зависимости от присутствия или отсутствия внешних надзирателей за поведением. В православной традиции есть синоним понятию «торможение» — понятие «аскетика». Сам Господь наш Иисус Христос подаёт нам пример: несомненно, Бог может всё, но не хочет всего, что может.

Человек, не имеющий представления об аскетике, представляет собою то, что принято

называть быдлом. Например, известный литературный и кинематографический герой Полиграф Полиграфович Шариков: он пьёт сколько дают, ест, пока не отнимут, не знает никакого стеснения и всегда готов изнемогнуть от собственных страстей и пороков — золотой стандарт гражданина, катастрофически надвигающегося общества потребления [7].

Вне аскетики культура, воспитание, образование — всё совершенно бессмысленно. Вне аскетики человек превращается в быдло со всеми вытекающими из этого плачевного состояния матюками.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гумилёв ЛН. Конец и вновь начало (популярные лекции по народоведению). М.: АЙРИС-ПРЕСС, 2006.
2. Лобашиёв МЕ. Генетика. Л.: ЛГУ, 1967.
3. Косенко ВГ, Смоленко ЛФ, Чебуракова ТА. Основы общей и клинической психологии. Краснодар: Советская Кубань, 2000.
4. Даль ВИ. Толковый словарь живого великорусского языка (Избранные статьи). М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004.
5. Россолимо ГИ. Искусство, больные нервы и воспитание // Русская расовая теория до 1917 года. Вып. 2. Сборник оригинальных работ русских классиков / Под ред. В.Б. Авдеева. М.: ФЭРИ-В, 2004. С. 655–681.
6. Павлов ИЛ. Рефлекс свободы. СПб.: Питер, 2001.
7. Булгаков МА. Ханский огонь (Сборник избранных произведений). Ижевск: Удмуртия, 1988.
8. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Любое издание.